

КАК ДЕЛАЕТСЯ ФИЛОСОФИЯ В ГЕРМАНИИ?

В.В. Савчук

Санкт-Петербургский государственный университет

Размышление о книге: *Werner Stegmaier Philosophie der Orientierung. Berlin, New York: Walter de Gruyter. 2008. — 804 S.*

В России с трепетным чувством смотрят на то, что происходит в философской жизни Германии, какие веяния исходят с берегов Шпрее, Рейна и Одера. Притом, что в самой Германии все больше и больше философов смотрят за океан, осваивают аналитическую традицию, представители которой занимают кафедры философии.

В перечне философских дисциплин XX века произошло пополнение, наряду с легитимными: философия техники, философия математики, философия фотографии, философия спорта, медиафилософия и др., — с выходом основательного семисотстраничного труда профессора из г. Грайфсвальд Вернера Штегмайера появилась еще одна: «философия ориентирования». Исходным толчком для многолетнего труда стала ситуация 90-х годов XX века: объединение Германии, падение коммунистических систем и далее создание общего европейского пространства. Об актуальности процессов переориентирования, поиска новых ценностей — говорить не приходится. Интересно то, как решает эту задачу известный специалист по Ницше (он редактор ведущего органа ницшеведения — «Ницше-штудиен») и успешный педагог, к которому едут со всей Европы студенты и докторанты. Философия ориентирования, вбирая проблематику, прежде составлявшую прерогативу практической философии, культурологии, политологии и теории коммуникаций, исследует воздействия результатов высоких технологий, науки и техники, темпов нашей жизни на человека, вынужденного по-новому ориентироваться в современных условиях. Собственно говоря, новая философская дисциплина, предлагаемая проф. В. Штегмайером, является ответом практической философии и критической рефлексии на вызов времени.

Признав дисциплину «философия ориентирования», нам не избежать вопроса: что делает ту или иную дисциплину философской? Как возникают *легитимная* философия чего-то, как например, философия науки, философия тела, философия культуры, философия политики? Спросим себя, что это за феномен,

философия чего-то? Здесь обращает на себя внимание, что вплоть до XVII века философия понималась как учение о первосущем, как наука о сущем как таковом, как наука наук. Суть же нового понимания в том, что философия утрачивает претензию на всеобщность — «брать мир как целое», — ради прагматической функции, культивируемой в эпоху модерна. Френсис Бэкон был первым, кто использовал формулу *philosophy of x*, которая вскоре стала нормативной. Выделив три сферы «*devine philosophy*», «*natural philosophy*» и «*human philosophy*» (*философию божественную, естественную и человека*)¹, Бэкон, тем самым, мыслил философию как науку, способную удовлетворить потребности людей и улучшить их жизнь — результат иллюзии, порожденной в начале эпохи «бурного развития науки и техники». В том числе избавиться от проклятья при изгнании из рая: «В поте лица своего будешь есть хлеб свой, доколе не возвратишься в землю» (Бытие 2,19). Именно «Великое восстановление наук» должно было избавить человека от тяжелого физического труда. Найденная Бэконом формула *philosophy of x* стала прообразом того, что весьма недвусмысленно заявило о себе в названии книг, вышедших вскоре: (Ure A.) Юэ А. «Философия мануфактуры» (1835), (Ticknor C.) Тикнор С. «Философия здравого смысла» (1841), (Matthews B.) Маттеус Б. «Философия короткого рассказа» (1836), (Still A.T.) Стилл А.Т. «Философия гомеопатии» (1899) и др. В этот же ряд можно поставить и книгу Э. Гуссерля «Философия арифметики» (1891). Некоторые из перечисленных философий являются таковыми только в переносном смысле.

«Философия ориентирования» является философией в прямом смысле, поскольку включает эволюцию понятия в истории философии, анализ истоков ориентирования (автор дает нам хороший урок того, как можно читать философские тексты и как можно в них ориентироваться), всесторонний охват тем от футбола до ориентирования к смерти, а также практические и наглядные примеры из повседневной жизни. Статус философской науки подтвержден следующими исходными утверждениями, вступающими в прямую полемику с Аристотелем, согласно которому «Все люди от природы стремятся к знанию», по Штегмайеру же: «от природы», то есть прежде познания и действия человек ориентируется: «Ориентирование, как питание и дыхание, — элементарная, необходимая и непрекращающаяся жизненная потребность. Она становится заметной, также как потребность в пище при отсутствии ее, потребность в дыхании при отсутствии воздуха, при ее нехватке. Обычно же человек достаточно ориентирован, имеет ориентиры, потребность же возникает, когда ориентации нет. Возникает беспокойство, если в ситуации не ориентируешься, которое нарастает до страха и отчаяния, «совершенно растерялся» ... в любом случае, при ориентировании ищут не чего-то определенного, а стараются в том, что предзадано, установить прочные взаимосвязи. Взаимосвязи, которые позволяют что-

¹ Бэкон Ф. О достоинстве и преумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения.: В 2 т. Т. 1. М., 1977. С. 200. Сравни если по Д. Беркли (1685 – 1753) «философия есть учение о мудрости и истине», то для А.Э.К. Шефтсбери (1671 – 1713) «философия есть учение о счастье».

то дальше начинать, предпринимать» (с. 2). Его положение спорит также с открытием «закона развития человеческой истории» К. Маркса: «Люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д.». В идущем далее ряде, видимо будет способность ориентироваться. Вспомним также, что «человеку от природы присуща способность распознавать и отличать духовное, а также склонность принимать дух и включать его в свою жизнь. Из этой способности и из этого тяготения исходили все великие воспитатели человечества; на них они строили, к ним они взывали, их старались оживить и укрепить» ([И.А. Ильин](#)), «Человеку от природы свойственно любопытство» (Ортега-и-Гассет). Все это так, но, прежде всего, согласно основам философии ориентирования, — человек должен ориентироваться, а уж удивляться и распознавать духовное. Научить правильно делать это — есть задача философии ориентирования. Согласно Штегмайеру, самая простая способность — способность ориентироваться — оказалась сегодня предметом философского сомнения. При этом Штегмайер замечает, что в качестве философского понятия «ориентирование» отсутствует в весьма авторитетном источнике: «Историческом словаре философии»; потребности ориентирования нет и среди основных «потребностей» человека, которые перечисляет, например, авторитетный антрополог Бронислав Малиновский.

С настоящей самоотдачей, суммируя весь концептуальный аппарат философии XX века, автор рассматривает все возможные аспекты и приложения процесса ориентирования. Особенность рецензируемой книги в том, что она доступна и не философу, поскольку сложные философские проблемы и предлагаемые концепты автор демонстрирует простыми примерами из повседневной жизни. К достоинствам книги нужно отнести так же ясный и точный язык автора, учитывающего все нюансы и использующего достоинства немецкого языка, а также подробные экскурсы в латинский и греческий, помогающий автору аргументировать свою мысль и установить связь с традиционными понятиями античной философии.

Видимо такой стиль философии востребован в эпоху высокой специализации; он же позволяет поднять авторитет философской работы: общезначимость повседневного опыта, помноженная на тотальный охват всех сфер жизни. Вслед за своим учителем, Йозефом Симоном, специалистом по философии знака, исходный тезис которого: «все есть знак», Штегмайер утверждает, — «все есть ориентирование» («Оно (ориентирование) находится в начале всего, но само безначально. Оно *как* ориентирование является всегда новым ориентированием или всегда переориентированием» (с. XVII). «Поскольку ориентирование предстоит всем попыткам определения, оно первоначально, первоначало или по-гречески архэ, по-латыни, первопринцип, который философия ищет с самого своего зарождения» (с. 5).

Традиционно ориентирование, как и, например, адаптация, — способность, наиболее удаленная от разума, от *ratio*. Именно она становится рационализируемой. Двигаясь в этом направлении, человек «обретает» свое бессознательное (психоанализ), иррациональные порывы своего тела (философская антропология, современная феноменология, вплоть до философии танца, философии тела и др.) и, наконец, «обретает» интуитивную способность ориентироваться.

Исходный пункт философии ориентирования в том, что человек нуждается в точках опоры, в ориентирах, находит и при необходимости меняет их (книга начинается словами: «Человек не ищет, а сначала находит»). Как и откуда, *на каких основания человек находит свои ориентиры*, — как раз и подвергает анализу автор. «Что такое ориентирование вообще, как оно структурировано и как оно функционирует. Речь идет о простом факте, что во всем, что человек делает, думает и говорит, в повседневности или в науке и философии, он должен быть уже ориентирован — даже тогда, когда он перенимает ориентации других» (с. XVI).

Одно из опорных понятий для автора — *plausibel*, что значит понятный, правдоподобный, убедительный. «То, что непосредственно и предварительно представляется достоверным, то вызывает одобрение. Слово «*plausibel*» происходит от латинского «*plaudere*», аплодировать, хлопать в ладоши, ногами, спонтанно и все вместе: правдоподобно то, с чем спонтанно соглашаются, не аргументируя и не задавая вопросы. Есть такие положения, о которых не нужно сначала договариваться или обосновывать, они правдоподобны или убедительны. Одним словом те, что само собой подразумеваются. *Всякое ориентирование полагается на то, что для него правдоподобно или самоочевидно*» (с. 15). В ориентировании, по Штегмайеру, важна не столько аргументация, сколько правдоподобность, убедительность. Но как известно из психологии, из теории коммуникации, чаще всего убедительны не вербальные высказывания, а визуальные образы, транслируемые массмедиа. Остро стоит вопрос как можно ориентироваться среди огромного нагромождения дигитальных образов? Какова специфика ориентирования в системе образов?

Понятие ориентирования становится важным в физическом контексте асимметрии мира, неравноправия левой и правой ориентации. Автор книги делает обширные экскурсы в физику и математику, в частности привлекая известного специалиста по теории множеств, Феликса Хаусдорфа, работы которого лежат в основе современного представления о фракталах. Однако внимание философа привлекает эссе математика Хаусдорфа, написанное под псевдонимом Поль Монгре и посвященное Ницше, название которого говорит за себя: «*Sant' Ilario. Хаос в космическом отборе*» (с. 120).

Ориентирование как способность, которая, само собой разумеется, естественна, сама используется для определения других понятий, то есть выступает фундаментальным понятием, на протяжении тысячелетий философской крити-

ки ускользало от анализа, можно сказать, что оно «последняя естественность, которая еще осталась... ведь если ориентирование стоит в начале всего и само безначально, то оказываешься перед вопросами столь фундаментальными, что самые принципиальные философские вопросы ставятся по-новому». Впервые на это решается Кант в своей работе 1786 г. «Что значит ориентироваться в мышлении?». Кант реагирует на текст Моисея Мендельсона, у которого ориентирование позволяет выбирать между «общечеловеческим пониманием» и «спекулятивным разумом» в каждой конкретной ситуации. Кант же исходит из того, что разум постоянно нуждается в точке опоры, из которой он может каждый раз заново устанавливать отношения с не-разумом, с непрерывно изменяющимся миром. Но эта точка опоры — тело, с которым связан человеческий разум и которое принадлежит эмпирическому миру. Кант, согласно Штегмайеру, вводит понятие ориентирования как «дополнение понятию разума», поскольку разум в своей связи с миром «недостаточен», он имеет «потребность», которая ограничивает его претензии чувственным горизонтом, последний же предоставляет разуму его актуальную точку опоры или позицию в мире.

По Штегмайеру, в философии XX века Хайдеггер, Витгенштейн и Луман начали мыслить ориентирование *до разума*. Однако в философии ориентирования Штегмайера исходная точка совпадает с конечной (все стремится к покою самодостаточного привычного существования), цель является зеркальным отражением исходной точки движения (поистине ориентирующийся хочет повсюду быть дома). Ориентирующийся ищет не встречи с иным, неизвестным, но с *экзотическим*, то есть укладываемым в горизонт ожиданий. При этом к привычным схемам противопоставления (субъект – объект) добавляется противопоставление своего – чужого, Запада – Востока. Ориентирующийся исходит из центра (Standpunkt), каковым подразумевается центральная Европа. Из центра можно попасть на любую точку окружности. Для этого не нужен экстаз — как выход в сферу неизвестного и невозможного. Уже древние греки использовали слово экстаз или "исступление", чтобы описать то специфическое состояние, когда человек терял свою волю и сознание, полностью отдаваясь на милость своему демону или богу, который с этого момента управлял им, делая его или ее безумным. В пространстве-времени экстаза требуется не столько ориентирование, сколько «драматизация существования вообще»². Именно экстаз, по мысли Батай, составляет суть «внутреннего опыта» и он же — единственный путь, ведущий к трансцендентному. Поэтому в экстазе, человек выходит за границы своего я, раскрывается смысл существования человека в мире и смысл бытия самого мира. Ведь экстаз это такое состояние, в котором человек не только *выходит из себя в бесконечность, но достигает пределов своих возможностей*, в которых ему приоткрываются тайны собственного существования, его дорефлексивного или, по словам Мориса Мерло-Понти, дообъективного бытия. Но это и не уход в беспредельное; скорее касание его, преступление

² Ж. Батай. «Внутренний опыт». СПб, 1997. С. 29

границ разума и в тоже время *остановка перед всепоглощающим безумием беспредельного*.

Фигуру ли самоиронии, а иначе трудно ее прочесть, представляет мысль автора: «Ориентирование как выполненная работа означает правильно найти свое место в ситуации, чтобы создать себе возможность действия и овладеть ситуацией — это всегда *индивидуальная способность*, и каждый в меру своей способности до некоторых ситуаций дорос, а до других не дорос» (с. 5). Но представить себе, что ситуация владеет человеком, что он «выходит из себя», растворяясь в мире, трансцендентном, сакральном — философия ориентирования не может. То есть человек может дорасти до ориентирования, но остановится перед экстазом (чему косвенное свидетельство — отсутствие в обширнейшем регистре книги понятий терминов экстаз и боль).

Ориентируясь, «мы являемся лишь частью себя самих»³, мы остаемся частью самих себя, и именно эта часть тотально заполняет собой горизонт представлений. Говоря иначе, *часть*, закрывает возможность стать другими, поскольку ориентирующийся всегда в круге привычных понятий, представлений, ощущений. На основе своего мифа, он демифологизирует чужой. Для точек обзора и наблюдения во всем мире существуют стандарты проживания (вернувшись домой, такой турист помнит не звезды чужого неба над головой, но количество их в отеле, где он проживал). Логика экзотики — прогрессия в получении острых ощущений... из безопасного места в автомобиле на сафари в окружении диких животных, туристического автобуса, иллюминатора. Но, как констатировал Эдвард Саид, несмотря на то, что «для художников вроде Нервалля или Сегалена слово «Восток» чудесным и поразительным образом было связано с экзотикой, блеском, тайной и обещанием», сегодня «Восток — это уже не собрание диковин, не враг и не экзотика; это политическая реальность огромной значимости»⁴. Поэтому европоцентристские, а по сути колониальные (вспомним Юнгера, который писал: «В тот момент, когда город, подобный Мекке, становится доступен фотографированию, он включается в колониальную область»⁵), стратегии уже не работают. Нужно не столько ориентироваться, сколько вести диалог, понимать и (таковы условия подлинного диалога) принимать чужую культуру, образ жизни, точку зрения. В том числе и в отношении своего Другого, необходимо взаимодействие, акция и движение навстречу. То, что в первую очередь вызывает сомнение в этой философии, это *Standpunkt* (опорный пункт, исходная позиция), понятое как «слепое пятно». Мы не смотрим вовнутрь, исследуя сознание, намерения и интенции (полемизируя с феноменологам, пишет Штегмайер), мы просто ориентируемся.

Как Кант, установивший границы разума из самого разума, Штегмайер пишет критическую философию ориентирования: «поскольку нет никакой точки опоры вне ориентирования и чтобы спросить, что значит ориентироваться, нуж-

³ Шлегель Фр. Критика. Эстетика. Философия. М., 1983. С. 154

⁴ Саид Э. Ориентализм. СПб, 2007. С. 176, 269.

⁵ Там же. С. 44.

но уже быть ориентированным», рассматривать философию как ориентирование поверх ориентирования (метаориентирование): «Ориентирование — это целое, которое может оперировать только как целое, оно «извне» несхватываемо, но «безгранично анализируемо и дифференцируемо» внутри (с. XIX).

Прояснению подлежат, так ставит свои задачи Штегмайер: *условия возможности* ориентирования; условия ориентирования на другие ориентации в коммуникации и во взаимодействии; условия ориентирования в особых системах ориентации, как экономика, политика, массмедиа и пр.; условия морального ориентирования; условия ориентирования в мире глобализированной коммуникации; условия метафизики, отказа от ориентирования в ориентировании; и наконец, значение смерти для ориентирования. Все это детально излагается в 19 главах книги. Кроме того, вначале он совершает предориентирование к условиям возможности *философии* ориентирования, рассматривает происхождение ориентирования у животных, растений и частиц и предысторию философского понятия ориентирования.

Скорость принятия решений в современной ситуации по-новому артикулирует старые моральные вопросы. Ведь согласно философии ориентирования в ситуации нужно ориентироваться, что значит, принимать решение, решаться. Понятие «решения» — одно из важнейших понятий. Оно тесно связано с темой поступка (М. Бахтин), а в немецкой традиции с дискурсом решительности, решающего мгновения, который разрабатывался в работах Карла Шмита и Эрнста Юнгера. Если отвлечься от идеологического контекста их времени, то диалог с философией ориентирования был бы продуктивен.

Главная особенность ориентирования в том, что оно самодостаточно в исходной точке, в точке рефлексии и точке начала пути, но тем не менее в качестве зеркала нуждается в другом: «оно исходит из себя и одновременно относится к другому. Его отнесенность к чужому возможна только благодаря его отнесенности к себе, а самоотнесенность нужна только для его отнесенности к чужому» (с. XVII). Поэтому потенциал его раскрывается не в восприятии другого, не радикальное расширение своего опыта, но в самоуверении истинности исходных принципов, на основании которых происходит ориентирование в мире. В таком случае можно ли рассматривать философию ориентирования как попытку преодоления проекта постструктурализма? Видимо интенция автора (осознанно или нет) направлена на решение этой задачи. Известно, что в постструктурализме цели равнозначны, взаимозаменяемы, взаимобратимы. Философия же ориентирования напротив предполагает (предлагает, делает) в конкретной ситуации однозначный выбор, прежде всего выбор моральной позиции, позиции ответственности. К этому тесно примыкает вопрос, как можно ориентироваться — и можно ли? — в ситуации сильной боли, шока, смертельной опасности? Ведь их невозможно отменить, в их перспективе невозможно жить, свободно выбирать. Или же, в теоретическом плане, нам остается, подобно Декарту, говорить о боли как о «смутном модусе мышления». В этих ситуа-

циях обостряется проблема внутреннего ориентирования. Но можно ли применить философию ориентирования, которая всегда принимает во внимание Другого, к ситуации самопонимания? На этот вопрос, к сожалению, нет ответа в книге.

Целый ряд привычных областей знания приобретает совершенно новое измерение, когда к ним применяют методологический инструментарий философии ориентирования. Так в главе 17, посвященной ориентированию в глобализованном мире, которое осуществляется, согласно автору через стандартизацию, раскрывается смысл шутки, остроумно размещенной им на обложке книги: «Сегодня даже почтовый голубь не может без навигатора найти дорогу домой» (но мы знаем, что это не так. Знает это и автор). Сегодня человек в своем ориентировании связан мировыми стандартами: начиная с появления глобуса, благодаря которому весь мир стал сначала обозрим, позже благодаря технике доступен, далее поделен на зоны, что с конца 19 века однозначно определило ориентацию в пространстве, ориентация во времени также однозначно задана, начиная с 1970, когда было введено «универсальное время», отсчитываемое колебаниями атомов цезия. Появление массмедиа, спутниковой связи, позволило человеку быть в курсе любых событий на земном шаре. В такой ситуации самым трудным, как ни странно, оказывается ориентирование на местности, ориентирование в локальных масштабах, когда о здоровье своего соседа знаешь меньше, чем о катаклизмах в Индонезии. Трудно не согласиться с ироничным тезисом книги, ограничивающим «всеобщий и необходимый характер» ориентирования: «Каким трудным может быть ориентирование на местности, таким же легким оказывается возможность сориентироваться, сидя на своем месте, из своего места по глобусу и благодаря глобусу сориентироваться в целом» (с. 627). Перефразировав слова «окно в мир можно закрыть газетой» писателя Станислава Леца, согласно философии ориентирования можно сказать: «туристским путеводителем».

Примерами стандартизации для автора становятся: стандартизированные знаки ориентирования (пиктограммы, стандартные иконки компьютера), стандартизированный язык ориентации (английский), стандартизированная техника ориентации (GPS), стандартизированная техника коммуникации (мобильный телефон и Интернет), и, наконец, стандартизированные сюрпризы (футбол). «Основа популярности футбола в том, что он восхищает особо привлекательными достижениями в ориентировании, которые иного рода, чем мир жизненного ориентирования, более четко дифференцированы. В футболе сплетаются спортивные, «теоретические», художественные, религиозные и моральные ориентирования. *Футбол как состязание между командами на большой территории и по четким правилам демонстрирует успех ориентирования — ориентирования на глобальные стандарты*» (S. 641). Может он демонстрирует неистребимую потребность в агоне, в состязании, в игре, в которой остается место случаю, непредсказуемости. Добавляет ли понимания глобальной популярности

футбола «ориентировочное» его прочтение? Так ли восхищает нас футбол «достижениями в ориентировании»? Думаю нет. Пример Футбола скорее показывает границы философии ориентирования, за которыми оказывается много того, что не только в искусстве, но и в футболе есть многое, «что и не снилось философии».

Но пример футбола взят вовсе не случайно. Концепция ориентирования создана так (и это заметно по выбранным в качестве частотных и опорных понятий: пространство возможности, игры, отправные и опорные точки, решение (*Entscheidung*), убедительность, горизонт, подвижность, текучесть (*Fluktuanz*)), что в идеале вся жизнь представляется как усилие, нацеленное на правильный выбор ориентира и установления правил, которым обязан следовать *каждый*. Это уже в традиции немецкой классической философии, основополагающие интенции которой проф. Штегмайеру удалось подогнать к сегодняшним реалиям. Все эти понятия, которые вводит автор в качестве системообразующих, исходят из постулата активности классического целеполагающего (и, добавим, ориентирующегося) субъекта. Возникает вопрос, как это соотносится с насущными, диктуемыми экологическим сознанием, попытками реабилитировать активность объекта, как например, в психоанализе Ж. Лакана или философии фотографии Ж. Бодрийара? Можно ли усмотреть в философии ориентирования попытку реабилитировать *самостоятельность* объекта?

Имя этой философии — притязание разума, который в условиях отказа от всемогущества и надежности рационального проекта всеми силами пытается сохранить господствующие позиции⁶. Книга — это всегда результат определенного образа жизни: жизненный проект. Здесь видны не только автор и пройденный им путь в философии, при этом путь, который он проделывает своей судьбой.

Есть еще один смысл того, как *делается* философия; она делается — как творится миф. Философия в Германии *обыгрывается*. Саму себя. Ее. Нас. Она есть саморазворачивающийся проект, глубинный смысл которого в сохранении своих, скажем прямо, буржуазно-демократических устоев, которые задаются определенным способом производства и воспроизводства жизни. Но этот ретро-активный проект философии самым решительным образом расходится с реальностью, актуальные проблемы которой принято называть глобальными проблемами современности. Ибо наивно полагать, что при увеличившихся скоростях жизни: в потоках транспорта, в сети Интернета, в увеличивающейся лавине информации — скорость принятия решений может оставаться прежней: следующей народной мудрости «утро вечера мудренее». Возникает все больше ситуаций когда ответ надо дать здесь, сейчас, сразу, оперативно реагируя на событие, происшествие, ситуацию. Адекватность решения требует ре-активности,

⁶ «Человек замечает, о чем идет речь, когда сталкивается с этим, человек ориентируется, когда обнаруживает, где он находится, и наконец, человек правильно находит свое место, когда он правильно упорядочивает то, что он застал и может с ним осмысленно обойтись. Таким образом, результат по ориентированию (выполненная по ориентированию работа) проявляется двояко: смочь обнаружить обстоятельства ситуации и смочь их идентифицировать, упорядочить, подчинить» (с.2).

ее может обеспечить, например, мышление жестом, телом или мышление в образах. Радикально настроенные медиафилософы в этой связи полагают, что ныне создается совершенно новая ситуация философской рефлексии: «Мыслитель должен мгновенно отвечать на поставленные вопросы и принимать решение, а прежде удовлетворявшие нас теории техники, традиция этической рефлексии или теория познания более не в состоянии нам помочь. <...> В Германии, где философия развивается традиционно, она является тормозом в деле понимания того, что сделали из нашего настоящего медиа-волюции или технологические эволюции»⁷.

Однако путь критической рефлексии — необходимый момент философии ориентирования, — на который пытается направить читателя уважаемый автор, есть путь классической немецкой философии, путь тотальности ориентирования любого субъекта, принявшего философию ориентирования. Схема критической рефлексии, предполагающая отражение, размышление и, наконец, принятие решения, осталась в мире «мчащихся паровозов» и рискованных попыток взлететь в воздух на аэроплане.

От философии из Германии как от зеленого чая из Китая — ждешь качества. Но если китайский чай распространяется по миру, охватывая и захватывая все новые регионы, то регион актуального присутствия немецкой философии сжимается. Надо заметить, что философия в Германии все еще (в отличие, например, от соседей французов, ведущие философы которых не часто утруждали себя преподаванием философии) сосредоточена в университете. На это уже обратили наше внимание же исследователи: «философия в Германии концентрируется в университетах. Так было не всегда. Философы стали профессионалами в современном смысле в XIX веке, когда они стали профессорами университетов. Сейчас философы ищут другие области применения. Поэтому вопрос является ли философия наукой для немецких мыслителей является экзистенциальным ... Да и сама философия, кажется уже ушла во Францию, Америку»⁸. А та, что осталась, надо думать, производит концепты для местных нужд, в интересах жителей маленького и уютного города центральной Европы. Утратив потенциал всеобщности (но оставив притязание), а по сути, выдавая локальное за глобальное, философия ориентирования дает инструмент ориентации немецкому туристу в Италии, Индии или Африке (которому, помним, трудно ориентироваться на местности, но легко по глобусу и благодаря глобусу в целом), но не жителю сети, не аналитику терроризма и практику международных отношений. Выступая на фестивале «этно-философии», она ведет себя так, словно реализовался диагноз Ницше: «мы немцы становимся с каждым днем *все более и более греками*, вначале, конечно, в понятиях и оценках, словно грецизирую-

⁷ "Neue Medien — Das Ende der Philosophie?" Ein Streitgespräch zwischen Norbert Bolz und Julian Nida-Rümelin. // Information Philosophie. Oktober 1998. № 4.

⁸ Аннотированный отчет о работе круглого стола "Перспективы и ресурсы философии (прогнозы, оценки, констатации)" // CREDO NEW. Теоретический журнал. 2004, №4. С. 176.

щие призраки, но в надежде сделаться греками также и *телом*»⁹. Вокруг варвары, у которых философии еще нет. Такая философия продуктивна, поскольку позволяет писать книги, *исчерпывающие вопрос в определенной традиции и определенном месте*. Читатель рискнувший взять на себя труд внимательно ознакомиться с этой книгой, скоро приходит к выводу, что все, что можно сказать о философии ориентирования — сказано. Возвращаясь к вопросу о том, состоялась ли новая философская дисциплина философия ориентирования, мы можем смело сказать, что книга дает основания для положительного ответа на этот весьма непростой вопрос.

Книга — итог жизни ординарного профессора типичного немецкого университета. Она интересна и как отражение способа жизни, и как выражение интересов локального места, мнящего себя центром, и как продукт работы определенной традиции. Но «что мы Гекубе, что нам Гекуба?».

⁹ Ницше Ф. Воля к власти. Посмертные афоризмы. Минск, 1999. С. 201.